

Святослав Речкалов, кадр Youtube/ Проект #117

02.04.2018, 15:48 Москва

свой опыт

«Имена приходилось выдумывать на ходу»: рассказ о пытках по делу о разбитом окне ЕР

Святослав Речкалов, фигурант [дела](#) о разбитом окне в районном офисе «Единой России» в Москве, рассказал ОВД-Инфо об обыске, допросе и пытках электрошокером.

Ранее ОВД-Инфо [публиковал](#) рассказ подруги Речкалова.

Меня зовут Святослав, я создатель исторического паблика «Когда Боги Смеялись». Последние несколько лет я занимаюсь борьбой с квартирными рейдерами, мошенниками и недобросовестными работодателями в Москве. 14 марта я проснулся от того, что вооруженный бронированный спецназ вышибает дверь в мою квартиру. Как пояснили позже, я якобы разместил видео во «ВКонтакте». Вслед за спецназом в квартиру ворвались

оперативники Центра «Э» с истерикой о том, что анархисты по всей стране проводят акции протеста в каких-то неприлично больших количествах и якобы я имею ко всему этому отношение. Закончилось для меня все пытками током с мешком на голове в микрофургоне, в ходе которых мне объясняли, что бороться с рейдерами нужно под флагом прокремлевских движений, требовали признать себя лидером анархистов всея Руси, организатором всех анархистских акций и кампаний в этой стране, а также обвинением в том, что, опубликовав видео во «ВКонтакте», я вступил в преступный сговор, и арестом на двое суток в ИВС по статье, которая вообще не подразумевает лишения свободы. Приближались выборы президента 2018, силовики пытались спасти их от анархистов, как могли.

Так оно происходит. Ты живешь обычной жизнью, играешь с друзьями в «Манчкин», планируешь следующий день. Перед сном с девушкой смотрите сказочный фильм дель Торо «Форма Воды» о том, как советские и американские спецслужбы хотят погубить чудного человека-амфибию. Его держат в цепях, пытаются током, даже расстреливают из пистолета. Но в конце концов волшебная сила добра и любви побеждает, все плохие люди умирают, а хорошие обретают счастье и свободу.

Но это кино. В жизни же, сомкнув на этой счастливой ноте глаза, я был разбужен криками «открывай» и страшным грохотом из коридора — кто-то выламывал нашу дверь. Просыпаюсь, уже стоя на ногах. За окном светает, в комнате серо, пасмурно. Понимаешь реальность происходящего, но это происходящее будто из какой-то другой, параллельной жизни. Будто та жизнь, в которой ты смотрел перед сном «Форму Воды», а утром должен проснуться и пойти на работу, продолжается. А тебя какой-то злой волей занесло в эту параллельную вселенную, где входная дверь выломана и в твою комнату залетает спецназ в черной одежде, шлемах, балаклавах

и доспехах на всех частях тела. Тычут в тебя автоматами, укладывают лицом в пол, приводят соседа из соседней комнаты и также укладывают лицом в пол.

Вслед за спецназом в комнату врываются ребята в штатском — политическая полиция, Центр «Э». Старший ликует и кричит, что мы не в сказке и за какую-то борьбу с государством у нас теперь будут крупные проблемы. Он играет роль строгого, но справедливого полицейского. Помимо него, в команде толстяк в бомбере — добрый полицейский. И молодой инфантильный «крепыш», исполняющий роль злого полицейского. Он, кажется, искренне переживает из-за анархистской активности в стране. Когда он говорит об акциях анархистов, складывается ощущение, будто каждая из них направлена против него лично и служит оскорблением всему, во что он верит. Крепыш подлетает ко мне и выплескивает все обиды, накопившиеся в результате анархистских акций. Ругается, вспоминает какие-то акции у посольств, вывешенные баннеры, несанкционированные шествия, какие-то радикальные акции.

Не совсем понимая, при чем здесь я, замечаю, что ни в каких акциях я не участвую и вообще тут ни при чем. На что получаю ответ: «Ты лидер всей этой х**ни, это ты виноват!» Статус лидера анархистов, конечно, льстит, но немало удивляет. До данного момента я даже не подозревал, что у анархистов может быть лидер.

Меня ведут к следователю на кухню, который объясняет мне, что обыск проходит в рамках расследования о погроме офиса «Единой России». Никаких офисов я не громил, о самом погроме узнал из СМИ, а потому причин волноваться у меня не было. Благоприятный исход обещало и поведение политической полиции.

Добродушный толстяк в бомбере, пытаюсь создать ощущение, что «мы все знаем», начинает перечислять какие-то мероприятия и аккаунты, к которым я не имею

ни малейшего отношения, из чего становится ясно, что на меня вообще ничего у них нет. А озлобленный Крепыш пообещал лично применить физическое насилие, если акции анархистов будут продолжаться. К акциям анархистов я отношения не имею, но такая постановка вопроса, предполагающая возможность в них участия в ближайшем будущем, ясно дала понять что закрывать меня не станут, хотя и обещают обратное. Что немало ободрило в такой ситуации.

Последовал обыск, в ходе которого стало очевидно, что среди спецназа есть бывшие бойцы «Беркута» — очень живо, с характерным акцентом, реагировали на красно-черные цвета (совпадающие у анархистов и украинских националистов) и тему Украины. После обыска последовал допрос о моих политических взглядах и предложение или брать все на себя («стать героем»), или сдавать всех друзей и знакомых. От такого великодушного предложения я отказался, после чего мне сказали, что у нас не Питер и не Пенза, пыток не будет, и повели в микрофургон, в котором спустя пару часов мне надели мешок на голову и пытали током. Эшник, который говорил что «пыток не будет», при этом очень гордился тем, что держит слово: «Я **** говорил, что посажу, и посадил! Я всегда держу слово! И теперь говорю тебе — тебя тоже посажу! Мы тебя при этом даже пытать не станем, нам это не нужно».

Мне и моему соседу связали стяжками руки за спиной, завязали глаза черным скотчем и усадили в багажник микрофургона. Мы, кстати, были на данный момент еще свидетелями. Но на допрос нас, что характерно, везли то ли как террористов, то ли как бандиты вывозят в лес своих жертв.

Мы не столько ехали, сколько стояли на месте. Спецназ, перевозивший нас, ругался, что приходится ждать «тупых качков» из Центра «Э», которые каждые два часа бегают

пожрать. Крепыш во время обыска, действительно, постоянно выходил на балкон покушать, но тогда было все равно. Теперь же, сидя в багажнике, скрюченный, с онемевшими ногами и перерезанными стяжками руками, я искренне разделял негодование спецназа. Было тяжело даже пошевелиться, чтобы чуть размять ноги или сесть удобнее, поскольку мы с соседом-свидетелем сидели вплотную, и шевелившись причиняли друг другу массу неудобств. Потому, когда спецназ ругался на эшников ублюдками, я искренне солидаризировался в том, чтобы поскорее эти «тупые качки» вернулись и забрали нас. Когда это произошло, впрочем, я понял, что уж лучше и дальше лежали бы мы в багажнике.

С нас сняли стяжки, скотч и пересадили в газель с полицейскими. Спустя минут 20 меня вновь забрал спецназ и вернул в микрофургон. При посадке мне сразу надели мешок на голову, сковали руки за спиной наручниками и усадили на сиденье. Рядом сели двое неизвестных мне человека.

Этих двоих сильно интересовали мои политические взгляды и моя деятельность. Я объяснил, что придерживаюсь гуманистических взглядов и занимаюсь, в основном, борьбой с квартирными рейдерами, мошенниками и недобросовестными работодателями. Например, приходит бригада бандитов к старушке домой, пробивают ей голову и выкидывают на улицу. Если приезжает полиция, то она обычно подкуплена. Говорит «сами разбирайтесь» и уезжает. Если приезжаем мы, то бандиты видят силу и уже предпочитают действовать через суды.

Мои собеседники сказали, что это очень хорошая деятельность, претензий к ней не имеют. Но, по их мнению, мы боремся с преступниками методами преступников. Спустя несколько минут эти ребята будут пытаться меня током, скованного и с мешком на голове.

А пока они рассказывают мне, что нельзя в борьбе с преступностью действовать, как преступники. Нужно идти под крыло власти и заниматься общественно-полезной деятельностью в сотрудничестве с органами. Вот как «Лев Против» (инициатива за здоровый образ жизни, применяющее достаточно агрессивные методы — ОВД-Инфо), говорят. Мол, он [ее лидер] тот еще пи**рас, бывший реструктовец (участник движения «Реструкт» неонациста Максима «Тесака» Марцинкевича — ОВД-Инфо). Но вовремя сообразил и пошел на контакт. Нам бы так же нужно бы сделать. Не то получается, что мы под благими целями борьбы с рейдерами заманиваем людей под анархистские знамена и направляем на противогосударственную деятельность. А надо, видимо, под благими целями заманивать под кремлевские флаги.

После чего приступили к сути нашей беседы. Ребят тоже сильно беспокоила активность анархистов. Говорят: «Вы вконец о**ели! Какого х*я анархисты внезапно стали проводить свои акции вообще везде, кругом, во всех городах?» Тоже почему-то считали, что в этом виновата «Народная Самооборона» и лично я, и переживали по этому поводу не меньше Крепыша.

Задали несколько вопросов о различных анархистских движениях. Так как я не знал ответа, помочь им с этим не сумел, после чего получил удар током в колено. Закричал, но скорее от неожиданности. Разряд был еще слабый и скорее неприятный, чем болезненный. Один из собеседников сказал с издевкой: «Ну, я думаю, что такой идейный революционер ради своей идеи выдержит любую боль. Мы пока отойдем, и с тобой пообщаются другие ребята, и ты решишь, захочешь ли отвечать на наши вопросы».

После того, как мои собеседники вышли, меня начали избивать двое или трое человек. Удары руками были

несильными, но зато увеличилась мощность разрядов тока, которые стали довольно болезненными. При этом мне объясняли, что мощность и длительность воздействия тока можно увеличивать (что демонстрировали на практике). И более того, если откажусь общаться с сотрудниками, током меня будут бить не по ногам, а по яйцам. Кто-то сзади схватил меня за штаны, их начали сдергивать и кричать что сейчас перейдут к яйцам. После чего я сказал, что готов общаться.

В дальнейшем эта сцена повторялась еще дважды, когда их не устраивали мои ответы. После третьего раза им, видимо, надоело, и шокер плотно приставили к моему правому бедру. Удары током могли сопровождать вопросы, либо следовали, если я давал неудовлетворительные ответы или медлил, отвечая на вопросы.

Я не могу сказать, что боль была совсем уж невыносимая (хотя было довольно болезненно). Думаю, что из всех «электрических» пыток анархистов, меня пытали гораздо более лайтово, чем в [Челябинске](#), [Петербурге](#) или [Пензе](#). Когда я впоследствии читал рассказ Виктора Филинкова о пытках, которым подвергся он (его пытали также в микрофургоне), я был поражен, во-первых, той жестокостью, которой он подвергся. А во-вторых — тем мужеством, которое от него потребовалось, чтобы под угрозой повторения этого кошмара прямо заявить о пытках.

Самое худшее было не то, что меня били током. А то, что я действительно понимал, что разряд повышается, и вскоре он может дойти до действительно невыносимого. Что меня правда могут начать бить током в пах, как это было в Пензе и Челябинске. И что, вероятно, никто кроме моих девушки и соседа, также задержанных, не знает, что я здесь. А значит, у палачей полно времени и возможностей для перехода к петербургскому сценарию,

которым мне и угрожали. Но самое худшее — это ощущение собственной беспомощности, когда ты ничего не можешь сделать в этой ситуации.

В результате таких электрических процедур я решил согласиться с тем, что я лидер «Народной Самообороны» и анархистов всея Руси. В процессе этого меня долго били током, чтобы я назвал конкретных людей и организацию, но так как никакой организации я не знал, а оговаривать никого мне не хотелось, пришлось сказать, что я организую все абсолютно один, просто получая отчеты от местных групп анархистов и координируя их деятельность через интернет, совершенно не понимая, кто находится по другую сторону экрана. «Что-то какая-то х**ня. По-моему, это п**деж», — недовольно ворчали мои собеседники и продолжали бить меня током. Но что я еще мог сказать, ничего не зная? В конце концов, пришлось им удовлетвориться этим ответом.

Аналогичным образом меня спрашивали о каких-то акциях в Москве, о несанкционированной демонстрации анархистов по Мясницкой улице и погроме офиса «Единой России». Совершенно не понимая, кто мог участвовать в этих акциях, пришлось также убеждать их, что я просто получаю отчеты и координирую, но не организую и не знаю никого лично. Попытка отрицать же и координацию мной уже даже не рассматривалась — было очевидно, что им нужно, чтобы я в чем-то признавался.

Спрашивали про мероприятия, посвященные борьбе с мошенниками. И так как на этих мероприятиях я был, а ответы в духе «не знаю, не помню» привели к тому, что собеседники вновь оставили меня на электрошоковые процедуры, а сами вышли из микрофургона, пришлось на ходу выдумывать случайные имена и называть их.

В конце концов, мне наказали говорить у следователя, что это я координирую анархистское движение в России, создал «Народную Самооборону» и стою за всеми

многочисленными акциями анархистов в России. В противном случае мне обещали, что создадут невыносимые условия в СИЗО и ИВС, присоединят к делу «Сети» и отвезут покататься на микрофургоне еще раз. На этот раз в лес, где будет, как в Питере. Мне также запретили рассказывать про пытки и брать адвоката. Мол, они не помогут, а только хуже сделают. Никто здесь не поможет, «я могу тебе колено прострелить, и мне ничего не будет».

Меня отвезли в отдел дознания. Прямо на пороге меня встречала целая делегация. Старший из эшников — обладатель больших серых глаз, почти выкатывающихся из орбит, которыми он внимательно всматривался в людей, и давно не стриженной гривы волос (мы между собой называли его Гривастый) — стоял на пороге. Гривастый внимательно всматривался в меня, на лице у него была ухмылка, в глазах читались улыбка и какое-то садистское удовлетворение.

Меня подняли в кабинет на третьем этаже. Там, помимо гривастого, находились еще два эшника. Мужик с бородкой Чака Норриса и огромный раскаченный парень с детским мальчиковым лицом. Мы их так и называли — Бородка Чака Норриса и Малыш. Малыш и Бородка Чака Норриса то заходили, то выходили. Спустя несколько минут к ним присоединился и дознаватель.

Гривастый начал задавать мне наводящие вопросы, и я повторил сказанное ранее в микрофургоне — я администрирую «Народную Самооборону», получаю отчеты об акциях, размещаю их и координирую группы, что присылают мне отчеты. Для них было принципиально важно, чтобы я сказал, что делаю это посредством мессенджера Wire.

Услышав то, что хотели услышать, люди в кабинете удовлетворенно кивнули и отвели меня на допрос к следователю. Помимо нас со следователем, там

находился целый отряд эшников — Толстяк, Бородка Чака Норриса, Гривастый, время от времени сюда заглядывал Малыш, а после и Крепыш, сменивший роль на доброго полицейского.

Следователь принялась записывать мои показания, однако они внезапно не устроили Бородку Чака Норриса. Тот начал требовать, чтобы я не говорил, что делал все один, но называл другие имена и оговаривал других людей. Ребятам было очень важно сделать организацию. Я отказался, после чего эшники наперебой начали возмущаться моим отказом, угрожая мне повторной поездкой в микрофургоне. Обещания эти давались в присутствии следователя. «Зови Цербера», — сказал Толстяк кому-то из коллег. Я боялся, но страх начал дополняться злостью. Я сказал, что в таком случае я вообще отказываюсь от дачи показаний. Я уже сказал под пытками, А, и теперь от меня требуют говорить Б. Далее из меня будут выбивать В, Г и все что угодно, раз за разом, используя сказанное мной ранее и приплетая туда пытками все новые детали, людей, показания. Сказанное изначально послужит своего рода крючком, на котором меня будут держать и которым меня будут шантажировать. Я понял, что если сейчас не противостоять этому, пытки продолжатся, они будут многочисленными и более жестокими. И тогда меня заставят оговорить не только себя, но и кого угодно.

Высказав это эшникам, я заявил, что отказываюсь от дачи показаний, и приготовился ко второму раунду поездки. Это было вовсе не героически, как может показаться — я очень боялся и начал рассматривать различные варианты членовредительством отправиться в больницу, а не на прогулку. Кроме того, как раз за сутки до того у меня обострился гастрит, еще более усилившийся в результате стресса от пыток и голодания (с утра я ничего не ел). Так что видок у меня был, надо полагать, испуганный и болезненный. Впрочем, мне повезло.

Следователя испугала возможность отказа от показаний. Заявив, что я с ней разговариваю и не надо слушать никого из эшников, она выгнала всех, кроме добродушного Толстяка. И следующие час или полтора мы провели в торгах о том, подписывать ли мне данные ранее показания и в каких формулировках. Ибо изначально там были записаны такие вещи, о которых я даже не говорил. На дальнейшие вопросы я отказался отвечать, пояснив, что если буду говорить «нет» — меня продолжат пытаться. А если буду говорить «да» — это ляжет в основу для моего собственного обвинения. На подобного рода заявление о пытках следователь отреагировала весьма оригинально, с издевкой сказав: «Что я слышу! Ты, лидер анархистов, говоришь, что боишься чего-то? Как на это отреагировали бы твои последователи, будь они здесь?» Я ответил, что ничьим лидером не являюсь и последователей у меня никаких нет, и попросил звонок и своего адвоката. Никто, конечно, мне такой возможности не предоставил.

Несколько часов после допроса пришлось провести в отделении. Эшники постоянно подходили поговорить. Теперь они были настроены более дружелюбно, рассказывали какие-то офигенные истории про то, как задерживали различных анархистов, про Алексея Навального и т. д. Говорили, что решения о пытках принимаются помимо их воли, и им это не нужно, чтобы доказать мою виновность. Меня продолжали считать каким-то анархистским фанатиком, лидером анархистов. И даже удивлялись — мол, как так вышло что «такой авторитетный анархист» не участвует ни в каких анархистских акциях. Хотя, казалось бы, здесь все просто — не нужно натягивать на людей чужие роли, а потом удивляться, что они им не соответствуют. Можно назначить первого попавшегося человека «лидером», а затем удивляться, что-то не сходится, но это не самый рациональный подход. Еще ребята очень обижались, когда

я им намекал на основной вид деятельности «Центра Э» — поиск крамольных картинок и аудиозаписей, — и уверяли что никогда бы сами таким не занимались.

А вечером меня даже покормили.

Ближе к ночи начался допрос в качестве подозреваемого. Меня поразила сама постановка подозрения — некие ребята разгромили офис «Единой России». По мнению следствия, меня там не было. Но я опубликовал будто бы видеозапись во «ВКонтакте» и тем самым вступил в преступный сговор и являюсь соучастником. Звучит как бред, особенно если учесть, что в действительности я даже не публиковал никаких видеозаписей. Более того, меня обвинили, что я опубликовал видео на паблике «Народной Самообороны». Однако элементарный поиск по названию видео по ВК показывает, что прежде, чем видео появилось на «Народной Самообороне», оно уже было опубликовано целым рядом других пабликов. Это действие, однако, оказалось слишком сложным для следствия.

На этом допросе мне даже предоставили адвоката по назначению. Весь допрос она сидела в наушниках, уставившись в экран телефона. Когда я эксперимента ради решил что-то ее спросить, она сказала соглашаться с дознавателем. Ну, все, как я и думал.

Повторив дознавателю то, что говорил ранее в качестве свидетеля на первом допросе, я получил двое суток задержания в ИВС. Было очевидно, что мои показания не устраивают следствие, и я на полном серьезе ожидал ночной прогулки на микрофургоне. К счастью, все обошлось. Возможно, от пыток меня спасла поднявшаяся в СМИ шумиха. Ночь я провел на скамейке в коридоре отдела, а утром меня отвезли не в лес, а в ИВС. Где, несмотря на угрозы эшников о том, что придется несладко, было очень даже ничего, про ИВС на Петровке ничего плохого сказать не получится. После всех этих

поездок в микрофургонах, вламывающегося в квартиру спецназа, ночевки в отделении с обостренным гастритом и ожидания продолжения пыток — два дня покоя и ничегонеделания не самый плохой вариант, чем все могло закончиться.

Вскоре ко мне пришли правозащитники из ОНК, мой случай получил огласку (что, вероятно, избавило меня от продолжения пыток), и меня выпустили под подписку о невыезде. Такая история.

Оказавшись в такой ситуации, понимаешь, насколько важны своевременные публичное освещение задержаний, работа СМИ, правозащитников и медиа-проектов, пишущих о репрессиях. Публичность в случае задержаний и работа проектов вроде ОВД-Инфо порой служат единственной защитой от пыток для человека, оказавшегося в застенках.

Дело об акции у офиса «Единой России»

Заведено дело о вандализме в связи с акцией у офиса «Единой России».

4 53

Ещё почитать

05.03.2026 Москва

Блогер-женоненавистник Арсен Маркарян получил реальный срок по делу о реабилитации нацизма